

Дальше мне предстоит идти одному. Деррида Ж. filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Дальше мне предстоит идти одному. Деррида Ж.

О многом следует сказать, но для этого у меня сегодня нет настроения. Слишком многое высказано о том, что с нами случилось здесь, и случилось со мной в связи со смертью Жюль Делёза. Той смертью, которой мы, без сомнения, испугались (зная о том, что он так болен), но еще более с этой смертью здесь (*cette mort-ci*). С этой невообразимой картиной, с этим событием будет нарастать, если это вообще представляется возможным, бесконечная скорбь от другого события. Делёз-мыслитель, помимо всего, – это мыслитель события и всегда вот-здесь происходящего события (*cet evenement-ci*). Он оставался мыслителем события от начала и до конца. Я перечитал то, что он сказал о событии уже в 1969 году, в своей наиболее замечательной книге "Логика смысла". Делёз цитирует Жю Боске [*Joe Boussquet*] ("Моя тяга к смерти, – говорил Боске, – которая была поражением воли, я заменяю на страстное желание смерти, ставшее апофеозом воли"), а затем продолжает: "В этой перемене нет, по сути, ничего, кроме изменения воли: это что-то вроде прыжка на месте, совершаемого всем телом, меняющим свою органическую волю на духовную. Тело желает теперь не того, что именно происходит, а чего-то такого в происходящем, что совмещалось бы с ним по законам скрытого, юмористического соответствия: События. Именно в этом смысле *Amor fati* сопровождает борьбу свободного человека." (Аналогичные фрагменты можно приводить бесконечно.)

Да, слишком много сказано о времени, которое я делил с Делезом, наряду со многими другими представителями моего "поколения"; об удаче, которая сопровождала мое мышление благодаря ему, благодаря его мышлению. С самого начала все его книги (но прежде всего "Ницше", "Различие и повторение" и "Логика смысла") не только провоцировали мое мышление, но в каждый момент времени не давали мне покоя. Опыт этого беспокойства, достаточно сильного, соответствовал или почти совпадал с "тезисами" – если так можно сказать, – в которых слишком очевидной становилась дистанция, так лелеемая мной, принимаемая мной с таким наслаждением, "жест", "стратегия", "манера": письма, речи, быть может, чтения. Согласно "тезисам" (но это слово не подходит) и, в частности, тезису, относящемуся к различию, которое не сводится к диалектическому противопоставлению. Различие "более основательно", чем контаддикция ("Различие и Повторение"), различие в радостно повторяющемся утверждении ("да, да"), принимая во внимание симулякр, Делез остается, без сомнения, несмотря на многие расхождения, одним из тех, кого я считал наиболее близким себе среди всех, кто представлял мое "поколение". Я никогда не испытывал в себе даже слабого сопротивления его дискурсу, даже, если не соглашался с его позицией или с рядом пропозиций в Анти-Эдипе. (Однажды я рассказал ему об этом, когда мы вместе возвращались из университета Нант на машине, – там он выступал с защитой Спинозы). Или, возможно, с такой идеей философии, которая состоит в "творчестве" концептов.

Когда-нибудь мне захочется объяснить, каким образом согласие на уровне философского "содержания" не исключает всякого рода различия, – еще сегодня я не знаю как именовать или располагать такое "противоречие". (Делез благожелательно воспринял идею публикации нашего с ним долгого импровизированного разговора на эту тему, но затем мы ждали, слишком долго мы ждали). Я знаю только, что эти различия не служили чему-нибудь, но только дружбе между нами. В моих положениях нет тени, знака, которые могли бы указать на такую противоположность. Такое бывает столь редко в нашей среде, что мне хотелось бы отметить это здесь в данный момент. Такая дружба не исходит из исключительного, единственного факта, подобно тому, как это происходит у врагов.

Верно, что мы редко виделись, особенно в последние годы. Но я все еще мог слышать хихиканье его голоса с небольшой хрипотцой, который рассказывал мне много такого, что мне нравилось, и о чем напоминали прощальные строки письма: "Мои лучшие пожелания и всего хорошего". То же самое он нашептывал мне с дружеской иронией во дворе Сорбонны летом 1955, когда я провалился на экзаменах. Или еще, в таком же одиночестве старости: "Больно видеть тебя, проводящим так много времени в этом институте (Международном философском колледже). Лучше бы ты писал ...". Я вспоминаю памятные дни коллоквиума по Ницше в Кериси в 1972, и еще многое, много других моментов, которые касались меня. Безусловно с Жаном-Франсуа Лиотаром (который сейчас рядом), мы ощущаем сегодня одиночество, отчаяние и меланхолию в том, что можно было бы обозначить ужасным и фальшивым словом "поколение". Любая смерть, конечно, уникальна и поэтому необычна, но что можно выразить в термине необычность, когда от Батая до Альтсера, от Фуко до Делеза, которые шли

Дальше мне предстоит идти одному. Деррида Ж. filosoff.org разными путями, мы объединяем их в слове "поколение", как в некую серию, – а Делез был также философом сериальной сингулярности, – все эти непохожие смерти?

Да, мы все влюблены в философию. Кто может отрицать это? Но, верно, (он сказал это), Делез был в этом "поколении" тем, кто "делал/мастерил" (faisait) ее более весело, более невинно. Я полагаю, он не любил слово "мыслитель", которым я обозначил его выше. Он предпочел бы слово "философ". В этом смысле он призывал быть "более невинным (лишенным чувства вины) в осуществлении/делании философии". Без сомнения, его позиция оставила глубокий след в современной философии, след, который есть он сам, несравнимый ни с кем. След великого философа и великого учителя. Историки философии, которые исследуют характер конфигурации и выборки его собственной генеалогии (стоики, Лукреций, Спиноза, Юм, Кант, Ницше, Бергсон и т.д.) обратят внимание на то, что он был также изобретателем философии, который никогда не ограничивал себя рамками какой-либо философской "области" (он писал о живописи, кино, литературе, Бэконе, Льюисе Кэрролле, Прусте, Кафке, Мелвилле и т.д.). И я хочу откровенно сказать здесь, что я любил и восхищался его манерой, – всегда безошибочной, – манерой обращения к образу, газетам, телевидению, к публичной сцене и к тем трансформациям, которые во множестве произошли за последние десять лет.

Экономия и бдительное отступление. Я ощущал солидарность с тем, что он делал и говорил об этих вещах, например в интервью "Либерасьон" по поводу публикации "тысячи плато" (в стиле его памфлета 1977 года). Он сказал: "Кто может знать, что за истекший период случилось с книгой. Уже несколько лет мы переживаем реакцию почти в каждой области. Неразумно полагать, что книги остались вне процессов реакции. Люди все больше заняты фабрикацией литературного пространства, – но также юридического, экономического и политического, которые по своей природе реакционны; эти пространства более нетворческие и сдавливающие/сжимающие. Я думаю, что в сложившейся ситуации нужна систематическая работа, – анализировать то, что мы полагаем свободой". Это "хуже, чем цензура", – добавлял он, – но такая заколдованность не может быть преодолена по необходимости". Может быть, может быть.

Подобно Ницше, Арто, Бланшо и многими другими, кем он восхищался, Делез никогда не выпускал из внимания альянс, сложившийся между необходимостью и алеаторностью, между хаосом и безвременьем. Когда я писал о Марксе в критический момент, три года назад, я услышал (в период моего исследования), что он планировал сделать то же самое. И я глубокой ночью перечитал то, что он написал об этом в 1990: "...Феликс Гваттари и я всегда считались марксистами, может быть по разному, но все равно вместе. Мы не верили политической философии, которая должна была бы стать центральным моментом анализа капитализма и его развития. Что нас интересует более всего, так это анализ капитализма как имманентной системы, которая постоянно утаивает свойственное ей ограничение, и всегда обнаруживает его в более широком контексте, потому что ограничение и есть Капитал как таковой."

Я собираюсь заново прочитать Жюль Делеза, чтобы учиться, и я буду совершенно одинок в этой долгой беседе, которую мы собирались провести вместе. Я думаю, что мой первый вопрос будет обращен к Арто и делезовской интерпретации "тела без органов", затем к слову "имманенция", которая столь настойчиво присутствовала в его творчестве, чтобы помочь или позволить ему сказать нечто, что, без сомненья, все еще остается для нас тайной. И я попытаюсь рассказать ему, почему его мышление никогда не покидало меня, уже почти сорок лет. Но как я смогу это сделать после того, что произошло?

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!